

М И Л Ь О Н

В О П Р О С О В,

ИЛИ ПОГОВОРИМ О МАНЕРАХ
У НАС В ГОСТЯХ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ТЕАТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА
им. Б. В. ЩУКИНА Ада Владимировна БРИСКИНДОВА

В незнакомый дом, к человеку, которого раньше не видел, всегда идешь чуть-чуть с опаской. А если отправляешься брать интервью у единственного сейчас (кажется, единственного) на всю Москву преподавателя хороших манер, то и вовсе кидает то в жар, то в холод... Вдруг не так сядешь, не там встанешь, не вовремя протянешь руку или, упаси бог, случится что-нибудь еще такое, ужасное...

Но, противу всяких ожиданий, в гостях у Ады Владимировны БРИСКИНДОВОЙ репортер «МК» сразу же, с порога почувствовал себя легко и просто. Все-таки замечательная вещь хорошие манеры — приветливое, мягкое, деликатное отношение к гостю. Однако — к делу...

— Ада Владимировна, нередко умение правильно держать вилку и нож отождествляют с воспитанностью. Так ли это?

— Вопрос содержит ответ. Конечно, нет. Воспитанность — понятие неизмеримо более широкое. Я бы сказала, что воспитанность в том смысле, который мы сейчас имеем в виду, это, пожалуй, умение не считать себя центром Вселенной, пупом мироздания. Речь идет о том, чтобы, как минимум, не лезть в магазин поперек очереди, не пихаться в трамвае, не наступать людям на ноги, не расталкивать их. Воспитанный человек — это, говоря проще, человек без локтей.

Когда мы произносим слово «манеры», в котором явно есть некий оттенок пошловатости (недаром в театральном училище имени Б. В. Щукина, где я преподаю, мы всегда заключаем это слово в кавычки), то у многих из нас возникает представление о чем-то чисто внешнем. И в определенной мере это справедливо. Но если не связывать стиль поведения человека с некоторым кругом его нравственных понятий, то неизбежно мы придем не к воспитанности, не к манерам, а к манерничанью, что, безусловно, хуже всякого отсутствия воспитания.

Так что бог с ним, со сводом законов и правил, это дело десятое. Куда важнее культура общения.

— Но ведь и свод законов тоже важен?

— Разумеется, если учитывать только, что все эти правила исходят из доброго отношения к людям, родным или чужим — безразлично, а затем — из здравого смысла и естественной потребности экономить силы и время. Чехов как-то писал Горькому: «Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация».

Вот, скажем, почему вы не режете котлету ножом?

— М-м-м... Пожалуй, нет нужды...

— Правильно. Или, к примеру, нож на столе кладут острием лезвия к своей тарелке, а не к соседней, потому что лучше, если уж так не повезет, порезаться вам самому, а не тому, кто сидит рядом с вами. И подобных примеров может быть тысячи.

Впрочем, все-таки не этому стоит учить студентов...

— А чему?

— Строго говоря, я лишь учительница французского языка. Кстати, в театральных вузах по традиции преподают только французский, это нужно для исполнения ролей классического репертуара, но дело, видимо, не только в этом. Исхони русский театр испытывал обаяние французской драматургии и даже чуть-чуть завидовал легкости, изяществу, живости диалогов актеров «Комеди Франсез». Ощутить природу, суть такой легкости возможно лишь на языке подлинника. Вероятно, отсюда эта наша традиция...

Пришла я сюда работать довольно давно, сразу после Института иностранных языков. А манеры — это так, дополнительно. Два учебных часа в неделю, которые я обычно называю «довеском».

— Как же вы стали преподавать такой удивительный предмет?

— О, это забавная история. До сих пор отношусь к ней, как к случайности: я убеждена, что у нас в училище многие педагоги могли бы это делать ничуть не хуже, а может быть, и лучше. Важно лишь начать... Ну так вот, лет пятнадцать назад пригласил меня к себе наш бесшумный ректор Борис Евгеньевич Захава и сделал мне это ошеломляющее предложение.

«В гувернантки не пойду, — подумала я. — Делать замечания в столовой?»

«Если вы научите наших студентов здороваться со мной не снизу вверх, а сверху вниз, что когда-то, между прочим, называлось поклоном, то ваша миссия бу-

дет выполнена». И он с поразительной точностью показал, как перепуганный первокурсник вытягивает шею, выкрикивая петухом: «Здрассь-и, Борис Евгеньевич!!!». А затем — как вежливый молодой человек достойно склоняет голову и говорит: «Здравствуйте, Борис Евгеньевич».

Тогда в Москве был действительно единственный человек, у которого можно было этому научиться. В Школе-студии МХАТа преподавала манеры Елизавета Григорьевна Никулина (урожденная княгиня Волконская). Целый год я, как на работу, ходила на ее занятия, смотрела, записывала, спрашивала.

Елизавета Григорьевна отнеслась ко мне так же мило, приветливо, сердечно, как делала, наверное, все в своей жизни. Она не считала для себя обременительным позвонить мне домой из автомата (у нее не было телефона) и предупредить, что, скажем, на следующий урок приходится не обязательно, так как нового материала она давать студентам не собирается, а вот послезавтра, мол, загляните: будет кое-что небезынтересное.

И все же я не смогла бы да, пожалуй, и не захотела копировать уроки Волконской. У нее это были «манеры в иной эпохе», а меня интересовала сегодняшняя жизнь.

— Любопытно, а как это делается, как учат манерам?

— Не учат, нет. Научить этому невозможно, как нельзя научить хорошему вкусу. Воспитывают. Знать мало, надо уметь. И даже уметь тоже мало...

Актер, как, впрочем, и всякий человек, должен не просто суметь войти в комнату, поздороваться, подать даме пальто, объяснить прохожему, не показывая мизинцем, как найти нужный адрес, но и сделать это просто и естественно, не деревеняя с головы до ног. Чтобы подобный, четкий и изящный, стиль поведения стал органичным, мы разрабатывали целую систему практических упражнений.

Когда я начинала эту работу, мне очень помогла профессор Анна Алексеевна Арочко. Помню, тогда у нас была создана молдавская студия, которая после училища стала ядром труппы кишиневского театра «Луцафэрул». Однажды, в конце лета, стояли мы с Анной Алексеевной на крыльце и вдруг видим, как по переулку идет толпа с мешками, рюкзаками, деревянными чмодами, перевязанными веревкой. «А-а, это мой табор», — улыбнулась Арочко. Посмотрели бы вы, какими утонченными европейцами вышли они из наших стен...

Незадолго до окончания училища эти ребята были приглашены по случаю закрытия декады молдавского искусства, в которой они участвовали, на высшей степени ответственный прием. Был там и Б. Е. Захава. Потом он сказал: «Ну, знаете ли, они просто великолепно. Я гордился нашими учениками».

— Так как же все-таки воспитывается боу топ?

— На первом курсе проводится несколько бесед с ребятами о том, о сем. А на третьем курсе идет тренинг походки, правильной осанки, умения держаться, владеть своими жестами, и затем — подготовка так называемого «контрольного урока».

— За манеры ставятся отметки!..

— Ну что вы... Контрольный урок — это серия этюдов или маленький спектакль, где сводятся воедино четыре учебные дисциплины: мастерство актера, французский язык, манеры и история костюма. И оценивается все вместе, купно (хотя отметок и не бывает). Ну, скажите на милость, если на подмостках появляется неуклюжий Вронский, в мешковато сидящем фраке, несоразно размахивает руками и изъясняется на смеси «французского с нижегородским», надо ли ставить четыре «двойки»?

Один из таких уроков, например, являл собою инсценированный салон Ан-

ны Павловны Шерер. Помните в «Войне и мире»?.. Участвовали в этом спектакле около 30 человек, а у Толстого в этой сцене значительно меньше персонажей. Пришлось додумать, скажем, адмирала в отставке и его племянницу смолянку, молодую даму и старого камергера, боевого генерала с дочерью и адъютантом... Было это действо и занятым, и полезным, и спину делало прямой, как струна.

А последний урок — набор веселых и серьезных бытовых сцен с поучительными комментариями ведущего, которого с чувством такта сыграл Рубен Симонов-младший. Из книги англичанина Д. Сензора «Как не следует поступать» были выбраны самые разные тексты: «Мужчины выходят первыми из транспорта и лифта. Во всех остальных случаях даму следует пропустить вперед», «Не ешь, идя по улице», «Помоги женщине снять пальто, раз уж она пришла к тебе», «Не спеши сесть»...

— Ада Владимировна, бесспорно, необходимо учить, нет, воспитывать, внушать хорошие манеры будущим актерам. Но не кажется ли вам, что подобные занятия нужны и будущим адвокатам, врачам, учителям — им ведь тоже приходится работать с людьми? А может быть, и не только им?

— Верно. Я вам даже больше скажу. Надо бы что-то в этом роде давать и в школе. Посмотрите вокруг себя, сколько смешного, жалкого, а иногда и отвратительного встречается в поступках людей. Иные считают возможным делать невероятные, казалось бы, невысказанные вещи...

Но есть, откровенно говоря, и другая опасность. Представьте себе, что вот вы сейчас запишете эти мои слова, потом они будут опубликованы, и в школах в самом деле начнут вводить уроки манер. Не случится ли здесь директивная этика, не начнут ли приказывать учтивости, не скандуют ли быть воспитанными?.. Что говорить, в основе хороших манер есть дисциплина, но только внутренняя, осознанная, а не продиктованная со стороны.

Однако, что касается учителей, тут и сомнений нет. Недавно я на неделю ездила в командировку в Петрозаводский педагогический институт. Соблазнилась именно возможностью чем-то помочь будущим коллегам. Но, наверное, те, кто меня приглашал, решили, что я, как странствующий подмастерье, приеду с сундучком, где будет все, что нужно для мгновенного и полного устранения всяких недостатков в поведении студентов. Во всяком случае меня предупредили, чтобы я говорила попроще и по-доступнее: у нас, дескать, люди из глухих деревень...

А я решила: не буду приспосабливаться. Ни за что. И рассказывала буквально с утра до ночи о том, что, где и как можно, а чего лучше не надо бы и почему. И слушали! Миллион вопросов задали. Особенно впитывали все, что относилось к истокам манер.

— Читателям нашей газеты это, наверное, тоже интересно...

— Видите ли, после долгого изучения этого вопроса я пришла к выводу, что фундамент сегодняшней воспитанности закладывался в начале прошлого столетия. Стиль поведения, просвещенного дворянства, той среды, откуда вышли Пушкин и декабристы, их умение быть свободными без развязности, веселыми без лошадиного ржания, почтительными без угодливости — все это годится в образцы и сейчас.

Я могу бесконечно долго говорить о том, как они развлекались (к примеру, после смерти Николая Михайловича Карамзина в доме его вдовы продолжали регулярно собираться друзья: Пушкин, Баратынский, Вяземский, многие другие, а к столу подавали чай, хлеб, масло — и все; однако там бывало вовсе не скучно, судя по словам Лермонтова, обращенным к дочери историка Софье: «Люблю я разговоры ваши, и «ха-ха-ха», и «хи-хи-хи»); о том, как не нудились они и внешней элегантности (вспомните Чаадаева — мыслителя, вольнолюбца и щеголя); об их понятиях о чести, наконец (двадцатью годами ранее своей гибели Пушкин вызвал на дуэль Соллогуба лишь за то, что тот без всякой дурной мысли, в чем впоследствии и убедил Александра Сергеевича, посмел задать вопрос Наталье Николаевне: «Давно ли вы замужем?»)...

Я не случайно так часто упоминаю имя Пушкина. Великий русский поэт, «невольник чести» для меня не хрестоматийный пример. Совсем нет.

Знаете ли, в юности я мечтала стать филологом, да как-то не получилось. А теперь, когда прошли десятилетия, вернулась к тому же. Вместе с молодым актером, выпускником нашего училища Александром Кайдановским, мы написали литературную композицию «Когда постиг меня судьбины гнев...» по произведению А. С. Пушкина, созданным во время ссылки в Михайловское. Актеры Валентина Малавина, Василий Лановой и Александр Кайдановский два часа читают со сцены стихи («Пророк», «Андрей Шенье», «Я помню чудное мгновенье...», отрывки из «Евгения Онегина» и многое другое), письма поэта к его друзьям К. Рылееву, В. Жуковскому, А. Дельвигу и ответы его корреспондентов.

Удивительные строки, адресованные удивительным людям. Людям, которые, помимо всего прочего, были подлинно, высоко интеллигентны...

— А что есть интеллигентность, Ада Владимировна?

— Вы хотите, я вижу, чтобы я ответила на вопрос, мучивший многие поколения умов?.. Что ж, попробую.

Интеллигентность зря смешивают с образованностью. Видели и вы, наверное, хамов с дипломом и настоящих интеллигентов, едва умеющих расписаться. Интеллигентность — это, пожалуй, уважение к человеческой личности, вне зависимости от возраста, положения, степени знакомства с вами, уважение к любому труду и к настоящей образованности.

Я выросла в маленьком деревянном доме, где жили, кроме нас, семьи профессора и шофера, экономиста и заводской работницы. И была в этом доме такая нравственная атмосфера, что у меня нет никакого желания решать, кто там был более интеллигентен, а кто менее...

У человека умственного труда бестактность, грубость, беспардонность всегда сознательны. И потому непростибельны. Куда как легче перенести ошибку или неточность в поведении, случившуюся по неведению. В таких промахах вообще нет ничего страшного. Даже более — они естественны. Когда солдаты на учении хлеблют суп из одного котелка — это нормально. И если под ложку они подставляют кусок хлеба — понимаю. Голодные же, каждая капля борща — на вес золота. А на дипломатическом рауте это было бы смешно и дико.

Вы ведь слышали, как в трамвае старые тетki бранятся: «А еще в шляпе!..» Теперь это, конечно, глупость — шляпа давно уже не определяет принадлежности к какой-то человеческой категории. А раньше, наверное, это высказывание содержало некий смысл. Простой народ не носил шляп, а образованные люди носили. С них и спросу больше.

— Ада Владимировна, легкое ли дело то, чем вы занимаетесь? Приносит ли оно удовлетворение?

— Во-первых, легкое дело — это вообще не дело. А во-вторых, природа педагога — в том, чтобы видеть, что плохо, что надо исправить, что недоделано. Какое уж тут удовлетворение...

— Грустно... Неужели же так все безнадежно, и нет ни одного приятного воспоминания?

— Ну отчего же. Было. Вскоре после первого полета человека в космос Юрия Алексеевича Гагарина чествовали в Доме актера ВТО. Сами понимаете, что на такую встречу хотели явиться выдающиеся деятели советского театра в полном составе. Иные из них, заметим, в весьма преклонном возрасте. Ожидалось невероятное столпотворение, и кто-то из руководителей ВТО позвонил к нам в училище с просьбой прислать с десяток ребят. «Зачем?» — спросили его осторожно. И он, четко поняв ситуацию, сказал честно: «Чтобы быть на побегушках».

У нас не было отбоя от желающих подавать шубы, провозжать благородных старцев до такси, бегать туда-сюда. Никому и в голову не пришло, что это могло бы отдавать лекейством. Мы это приняли за честь!.. Потом из ВТО пришла официальная благодарность.

Я далека от мысли считать это заслугой преподавателя «бон-тона». Это проявление стиля нашего училища, результат усилий всех педагогов, которые стругают и шлифуют своих учеников с утра до ночи.

— Спасибо, Ада Владимировна... Все ж таки замечательная вещь — хорошие манеры.

С. ВИШНЯКОВ.